

99
14130

Kh.

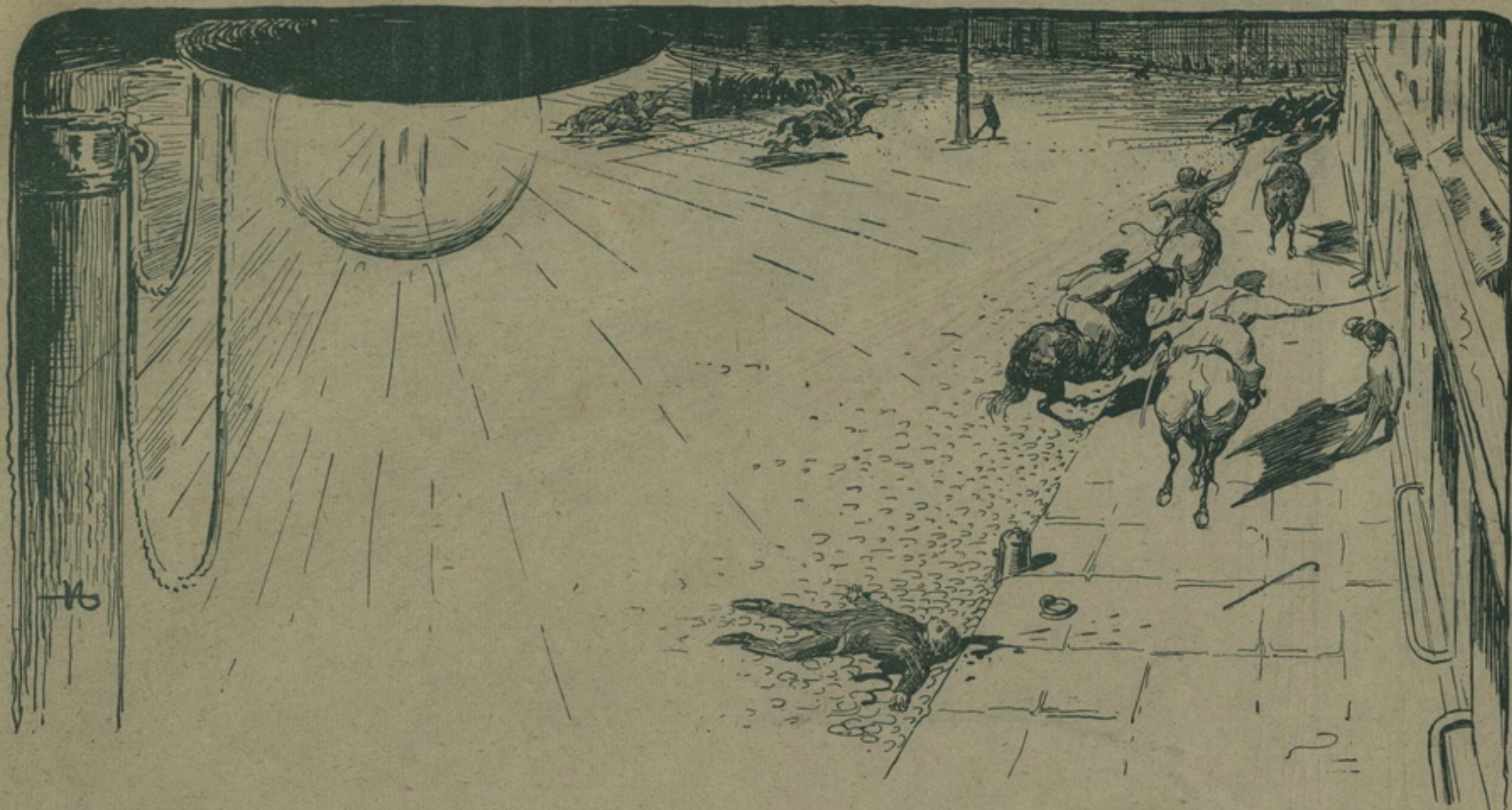
№ 2.

22 ДЕКАБРЯ 1905 Г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна № 8 коп.

Ярче, ярче, нашъ фонарь,
Освѣщай ночныя крылья!
И, покинувъ свой алтарь,
Побѣгутъ жрецы насилья!

От „Фонаря“.

(Нѣчто, почти, изъ Овидія).

Прежде, чѣмъ стать „Фонаремъ“ я извѣдалъ тяжелья муки,
Врядъ ли подобныя муки въ аду подъ землею примѣнимы:
„Молотомъ“ былъ я... Но злые, вскормленные завистью, люди
Имя мое предвосхитили съ цѣлью для всѣхъ очевидной:
Впредь заручиться покрѣпче квартирой бесплатной и теплою
Въ улицѣ длинной и мрачной, по имени Грозно-Шпалерной;
Не были въ этой квартирѣ за всѣ промелькнувшіе юды
Только Зевесъ промовержецъ, да прочіе славные боги...
Впрочемъ, въ нее проникали подчасъ Венера съ Амуромъ,
То интендантъ олимпійскій, извѣстный въ Манчжуріи, Плутосъ.

Былъ я „Набатомъ“... но нѣкій поповичъ меня предвосхитилъ
Въ явной надеждѣ на ту же квартиру изъ цѣлей корыстныхъ...
Ставъ „Фонаремъ“ я не кончилъ своихъ злоключеній. Въ печать...
Тамъ, идѣ не газъ съ керосиномъ пылаютъ, а только огарки
„Четвериковыхъ“ свѣчей, вновь рѣшили меня предвосхитить...
Но куропаткинскимъ полнымъ терпѣньемъ я вышелъ изъ сердца
И припугнулъ надлежащей статью!...

Свободно и скоро.

Вспыхнулъ свѣтильникъ въ моемъ „Фонарѣ“ и своими лучами
Смѣло прорѣзалъ сущенныя тѣни общественной жизни!
Что мнѣ до партій различныхъ, до фракцій и взглядовъ?
„Правда, законность, порядокъ и вѣчная съ ними свобода!“
Вотъ мой девизъ!... Вотъ что нужно, для чести и славы народа!

«Фонарь».

Свѣтильникъ.

Свѣтильникъ чудный! Разумъ чистый!
 Блится ты звѣздой лучистой
 Надъ пошлымъ сумракомъ земли!
 Блится ты вѣка и годы
 И вѣковѣчныя невзгоды
 Тебя низвергнуть не могли!...
 Ты освѣтилъ всю мощь вселенной,
 Открылъ ты людямъ путь нетлѣнный
 Къ познанью правды и добра!
 Ты не искалъ себѣ забавы
 Ни въ мишурѣ надмѣнной славы,
 Ни въ грубыхъ блѣсткахъ серебра!
 Подобенъ ты святому чуду,
 Но тормозятъ всегда и всюду
 Всѣ начинанія твои,
 Подъ сѣнью строгаго зеркала,
 Бюрократическое жало
 Бюрократической змѣи!

В. Жуковъ.

Молоточки.

Двое изъ нашихъ знакомыхъ, ожидая выхода
 перваго номера «Фонаря» подходятъ на Аничко-
 вомъ мосту къ газетчику и спрашиваютъ: «Фо-
 наръ» есть?

— Вотъ онъ! Давно васъ дожидается! —
 отвѣтилъ газетчикъ, указывая на фонарный столбъ

— Долой!.. долой!.. ореть на Невскомъ вы-
 пившій изрядно гражданинъ и подойдя въ упоръ
 къ городскому говорить: — «а вотъ не скажу что
 долой».

Газетное сообщеніе.

Напиталь ген. Куропаткина. Бывшій военный
 министръ, командовавшій 1-ой манджурской арміей,
 ген. Куропаткинъ вытребовалъ на дняхъ изъ госу-
 дарственнаго банка свой вкладъ 2.650,000 руб-
 лей. Вся сумма была выдана золотомъ.

яноТ

Жрецы доктрины социальной,
 Едва затѣяли разладъ,
 Какъ ужъ реакціи фатальной
 Надъ ними ножницы висятъ.

Общественныя и политическія шалости.

Около хористовъ.

— А вы, Федоръ Ивановичъ, какой партіи придерживаетесь?
— Я?... Гм... Баритоновой партіи!..

* * *

Въ семьѣ.

— Отчего ты, папочка, министромъ не сдѣлаешься?
— Зачѣмъ же, дѣточки? Вѣдь я еще силенъ и здоровъ и работать, слава Богу, въ состояніи!

* * *

Надпись къ Думѣ.

Виситъ надъ зданіемъ бѣда!
Она давно во власти духа злаго!
Оставь надежду навсегда,
Сюда входящій, вымолвить хоть слово!

* * *

Верхъ разстѣянности.

Во время разстройства желудка вмѣсто кастороваго масла проглотить... касторовыя брюки.

* * *

Между хулиганами.

— Петька! Да у тебя револьверъ!
— А что?
— А штрафъ то! Развѣ ты не боишься Дедюлина?
— Ну, братъ! Я не изъ таковскихъ! Меня не поддедулишь.

* * *

Въ Россіи есть Изюмъ, Калачъ,
Въ ней даже Винница имѣется!
Такъ почему жъ голодный плачъ
У насъ по нынѣ не разсѣется?

* * *

— Папа, кто этотъ старичекъ?
— Это—особа, второго класса!
— Боже мой! Когда же онъ куреъ окончатъ!

* * *

— Откуда это вышелъ сейчасъ вашъ изваленный знакомецъ?
— Отъ Дурново!
— Ну, развѣ отъ Дурново выходитъ чтонибудь хорошее.

Бѣдный Горикъ

Рабочему.

Вотъ совершилося чудное дѣло:
Мозгъ заколдованный столько вѣковъ,
Рабствомъ согнутое, мощное тѣло,
Сбросили узы гигантскихъ оковъ...
Выпрямивъ станъ свой могучій и сильный,
Равенство, братство, свободу познавъ,
Съ плечъ своихъ, сбросивъ гнетъ тяжкій,
могильный,
Власть и насилие безъ спросу поправъ...
Онъ, нашъ кормилецъ, и наша опора,
Вѣчно терпѣвшій лишенія, нужду,
Больше не вынесъ мученья позора,

Открыто явилъ прежней силѣ войну,
И безоружный воззвалъ онъ о правѣ
Своемъ, и дѣтей истощенныхъ своихъ,
О немъ заявилъ онъ открыто и вѣявъ,
Но путь его былъ и изломанъ и кривъ.
Горсти свободъ, взятыхъ силой, желанныхъ,
Назадъ не отдастъ онъ теперь никому,
Свободъ и мечты и надеждъ долгожданныхъ,
Теперь не разстаться ужъ съ ними ему;
И въ прежнюю спячку не будетъ ужъ силы
Проснувшійся умъ его вновь погрузить!..
Рѣшилъ онъ и жизнью и кровью, что мило:
Какъ волю, такъ землю и счастье добыть...

Люди Земля.

ВЪСТИ И СЛУХИ.

(Серьезное въ шуточномъ).

ВЫБОРНАЯ АЗБУКА.

А-гитація въ народѣ.

Актъ великій создаетъ...

В-юрократія не въ модѣ:

Холодѣть точно ледъ.

В-ожаки различныхъ партій

Крѣпко держутся своихъ,

Г-орода ждутъ вольныхъ хартій

Съ мига cadaго на мигъ!

Д-емократы поумнѣли

И, окрѣпнувъ тамъ и тутъ,

Е-вропейскимъ шагомъ къ цѣли

Предназначенной идутъ!

Ж-андармерія свирѣпо

Разъѣзжаетъ на конѣ...

К-онституція, какъ рѣца,

Низко держится въ цѣнѣ,

Л-ибералы злыя рѣчи

Распускаютъ по рукамъ...

М-онархисты, ставъ на вѣче,

Вѣрный счетъ ведутъ войскамъ!

Н-ейгардтъ текъ подобно лавѣ,

Но споткнулся и упалъ.

О-боленскій спалъ на „Славѣ“

И Финляндію проспалъ!

П-олицейскіе, едва-ли,

На яву, а не во снѣ

Р-еволюцію искали

Въ обывательской мошнѣ.

С-оціальное ученье

Развивается у насъ,

Т-акъ же тихо, какъ терпѣнье

У Манчжурскихъ ратныхъ массъ.

Ф-онфаронство, спесь и чванство

Безъ стѣсненія прутъ на видъ...

Х-орошо, что х-улиганство

Внѣ партійности стоитъ!

C'est moi.

Популярность Витте.

— До чего популярень графъ морт-
смутскій С. Ю. Витте...

— ?

— На Невскомъ мальчишки-хулиганы
ужъ который день выкрикиваютъ:

Витте скачетъ, Витте пляшетъ,

Витте пѣсенки поетъ!

№ 380.

Мы слышали, что финляндское общество пароходства по Невѣ и каналамъ пере-
продало свои пароходики морскому вѣ-
домству для охраны финскихъ и балтій-
скихъ береговъ. Командующимъ этой эс-
кадрой называютъ директора Общества
И. И. Шелепина.

**

Забастовали служащіе всѣхъ похорон-
ныхъ бюро въ Петербургѣ. Администра-
ція, призывая къ благоразумію, проситъ
обывателя повременить своей смертью.

**

Ученики младшихъ классовъ Петер-
бургскихъ гимназій представили началь-
ству свою резолюцію, въ которой тре-

буютъ: 1) свободу куренія табаку, 2)
свободу бульварнаго флирта и 3) сво-
боду игры на бильярдѣ.

**

Многіе казенные дома въ Кронштадтѣ,
какъ говорятъ, отапливаются фиктивными
счетами поставщиковъ дровъ и камен-
наго угля.

**

Самые прочные союзы, пока надо
считать: Штоль и Шмидтъ, Вальтеръ и
Кохъ, Сименсъ и Гальскэ. Мюръ и Ме-
рилизъ... Нѣкоторые даже и послѣ смер-
ти существуютъ.

**

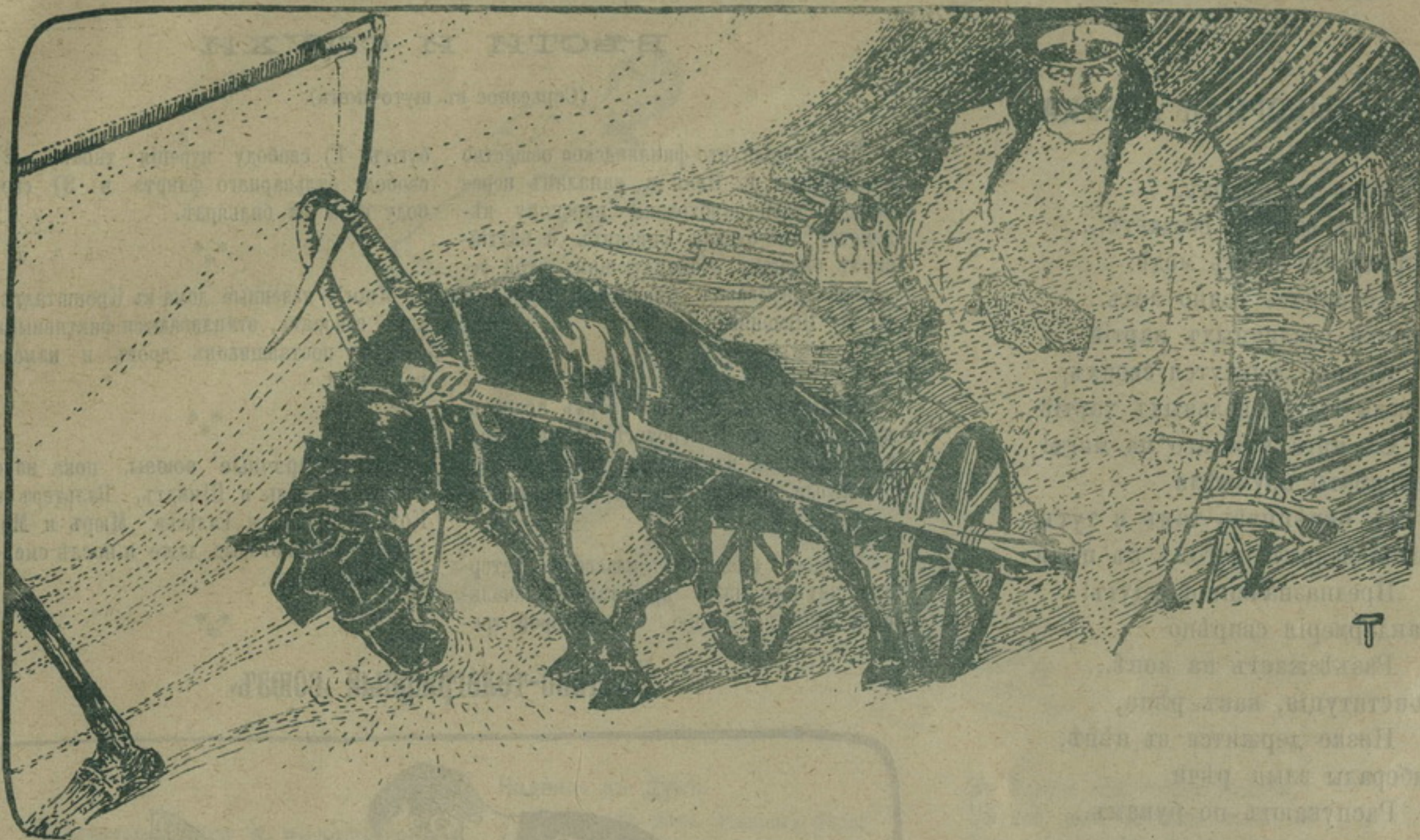
Почтово-телеграфный союзъ.

Къ сему новорожденному союзу Дурново руку приложилъ.

Не то антихристъ дна могильнаго,
Не то вытягиватель жилъ,

Онъ на младенца слабосильнаго
Печать, гдѣ нужно приложилъ.

Умирать, такъ умирать,
Не стѣняясь ни минуты!

Я возьму за нядью пядь,
Въ ходъ пустивъ всѣ атрибуты.

Администраторъ

„Магдалина“.

Какъ на Карповкѣ рѣкѣ,
Въ захолустьномъ уголкѣ
Есть для «избранныхъ обитель». —
Тамъ Владиміръ былъ «учитель».

Въ ту обитель собирались,
И «святыми» почитались:
Іоаннъ — отецъ Орнатскій
И извѣстный всѣмъ «Кронштадтскій».

Про игуменью «святую»,
«Тараканщицу» — бывшую
Лишь одно могу сказать:
Денежки любила брать.

А сосуды дорогіе,
Камушками обсыпные,
Отъ людскихъ подальше глазъ
Прятала она не разъ.

Такъ-бы жили-поживали,
Ничего-бы мы не узнали,
Но случилась вдругъ бѣда:
Каяться пришла одна:

«Магдалиной» величалась,
Въ шелкѣ и бархатѣ одѣвалась,
И попала въ ту обитель
Гдѣ «сладчайшій» былъ «учитель».

Началъ онъ въ любовь играть,
Не забылъ и деньги взять,
Въ эротическій экстазъ
Приходилъ онъ много разъ.

«Магдалина» же земная,
Была женщина иная,
Стала думать и гадать,
Какъ-бы ей «Порфирей» стать...

Да терпѣнья было мало,
Не понравилось начало;
— Деньги стали уплывать,
А Владиміръ — уѣзжать.

И рѣшилась вдругъ отъ скуки,
Переживъ напрасно муки,
Положить всему конецъ:
— «Заслужу авось вѣнецъ!»

Мереписку всю собрала,
За сынишкой побѣжала
И съ нѣмымъ въ глазахъ укоромъ,
Стала вдругъ предъ прокуроромъ!

А въ «Обители» не снилось,
Что все просто такъ открылось!..

Дарчикъ.

СВОБОДА.

(Эллегія).

«Я помню чудное мгновеніе
«Перехо мной явилась ты».

Пушкинъ.

Я помню дни — ревѣли бури,
Сверкали молніи изъ тучъ...
И сквозь туманный путь лазури
Не пробивался солнца лучъ.
Въ печалѣхъ жизни безпросвѣтной,
Въ немолчномъ шумѣ суеты,
Являлся міръ иной, завѣтный
И царство радужной мечты.
Шли годы..., громы не смолкали,
Все было вѣло и темно...
И только лишь порой сверкали —
Зарницы жданныя въ окно...
Въ глуши, во мракѣ своеволя —
Шли дни, свершая скорбный путь...
А такъ хотѣлось раздолья,
Дышала жизнью новой грудь...
И вотъ настало пробужденіе —
Блеснулъ лучъ дивной красоты: —
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній радужной мечты...
Забилось сердце въ упоеньи —
Воскресло въ немъ бывшее вновь...
Но... «точно сонъ»... ушло видѣнье,
Все перепачканное въ кровь...

Г. П. К—овъ.

ДВѢ ВЛАСТИ.

Борьба... столкновения... погромы...
Палаты горятъ и хоромы...
Невспаханной нива стоитъ...
Колелется гордый гранитъ...
Лѣса не шумятъ и съ испугомъ
Блится родной небосводъ...
Двѣ власти воюютъ другъ съ другомъ,
А плачетъ народъ!

Безумная паника... слезы...
Таинственныхъ партій угрозы..
Повержено право во прахъ..
На биржѣ смятеніе и страхъ!
Купцы обуваются въ кенги,
Наука уходитъ въ разбродъ...
Двѣ власти расходуютъ деньги,
А платитъ народъ.

В. Ж.

Мечты и дѣйствительность.

(Съ испанскаго).

Донъ Алонзо засыпаетъ,
Головой на столъ поникъ;
Робко книгу озаряетъ
Догорающій ночникъ.
Шевелится сумракъ въ нѣмѣ,
Пляшутъ тѣни по окну;
Подъ поломъ нахально мыши
Нарушаютъ тишину.

Снится бѣдному Алонзо
Благолатная страна—
Вся въ цвѣтахъ, при блескѣ солнца,
Словно рай лежитъ она.
Твари тучны, люди сыты,
Альгвазидовъ вовсе нѣтъ...
Что имъ дѣлать, коль забыты
Всѣ участки много лѣтъ.
При разряженомъ народѣ,
На главы воздвѣвъ вѣнцы,
Гимнъ закону и свободѣ
Тянутъ мудрые жрецы.

Самъ Алонзо въ пышной тогѣ,
(Онъ теперь министръ премьеръ),
Заправляетъ хоромъ строго
На классическій манеръ.
Скромно шлютъ премьеру-душкѣ
Дамы тайныя мечты...
Вдругъ... надъ ухомъ, какъ изъ кушки,
Кто то грянулъ съ высоты.
«Ишь ты, лѣшій, зачитался,
«Вотъ и грамота не въ прокъ;
«Къ «епутатамъ» меньше-бъ шлялся...
«Ну, смотри, проспишь гудокъ!»

А. Д. Ст—въ.

Деревня послѣ ревизіи.

На деревнѣ—видъ погоста!
Все разрушено въ конецъ,

А у Троицкаго моста,
Воздвигается дворецъ.

Сгущенный эфиръ.

(Редакціонная быль).

— Николай Леопардович! — послышался изъ кабинета голосъ редактора.

Изъ кучки сотрудниковъ, сидѣвшихъ въ секретарской комнатѣ, выдѣлился пожилой мужчина съ патентованной лысиной, поправляя бакенбарды и пенсне, засемѣнилъ въ кабинетъ редактора. По дорогѣ въ «святая святыхъ» онъ не забылъ оставить на подоконникѣ окурокъ папиросы. Для того, чтобы ярче опредѣлить свои политическіе взгляды, онъ курилъ только «царскія» папиросы, 10 коп. 10 шт.

— Ну что? — встрѣтилъ его оловянный, точно у бѣшеннаго барана, холодный взглядъ редактора.

— Ничего не могъ подблать.

— Что вы говорите? Вы убить меня хотите! Вы добиаетесь моего раззоренія?.. Вы подводите подписчиковъ газеты!.. Что вамъ сказалъ профессоръ?

— Ничего не сказалъ! Онъ никого не принимаетъ, кромѣ горячихъ ваннъ и ревеннаго порошка!..

— Убили! Зарѣзали! И все за то, что я далъ вамъ возможность носить цилиндръ и ужинать у Кюба. Редакторъ задумался и потомъ быстро спросилъ:

— Кстати! Сколько вы у меня получаете?

— Пять копѣекъ за строку!

— Ну, вотъ видите, неблагодарный! Цѣлыя пять копѣекъ за строку, только потому и имѣющую смыслъ, что она напечатана!

— Но Менелай Серполетовичъ... господинъ Сраженевъ одиннадцать получаетъ...

— Да вѣдь то Сраженевъ! Да онъ, наконецъ, и не получаетъ... а... силой беретъ... но дѣло не въ томъ! Извольте сейчасъ же садиться и написать бесѣду съ профессоромъ Колбочкинымъ о сгущенныхъ эфирахъ...

— Менелай Серполетовичъ, — взмолился несчастный сотрудникъ, — вы то что со мной дѣлаете, вѣдь я же юристъ, а не химикъ!

— Тѣмъ лучше для васъ, — по крысьи улыбнулся редакторъ, — юристъ долженъ отзываться на всѣ вопросы, которые встрѣчаются въ жизни... Вотъ, напримѣръ, я! Я — правовѣдъ, а умѣю все-таки читать и писать по русски... Я даже одну пьесу написалъ... не помню только заглавія... не то «Ревизоръ», не то «Горе отъ ума», одноактный этакій пустячекъ!.. Не смущайтесь, садитесь и пишите.

Николай Леопардовичъ присѣлъ къ письменному столу, но потомъ, сунувшись въ шкафъ, благимъ матомъ завылъ. Какъ сумашедшій бросился онъ въ кабинетъ редактора,

— Менелай Серполетовичъ!.. Мерзавецъ!..

— Кто... что... почему мерзавецъ? — въ свою очередь векочилъ редакторъ.

— Брокгаузъ!.. Онъ не дошелъ до буквы Э!..

— Ахъ, чтобъ вамъ пусто было! Ну какое мнѣ дѣло до какого то Брокгауза! Мнѣ матерьялъ нуженъ... Ступайте, бѣгите, поѣзжайте на... на конѣ, на извожикѣ, на автомобилѣ, на телефонѣ, на грамофонѣ... Чтобы былъ у меня матерьялъ. Николай Леопардовичъ вылетѣлъ изъ кабинета, а редакторъ продолжалъ кричать ему вслѣдъ:

— Непремѣнно достаньте! Ничего не жалѣйте! За все заплачу изъ... вашего гонорара.

Черезъ полчаса Николай Леопардовичъ вернулся въ редакцію, гордо неся въ рукахъ брошюру, на желтой обложкѣ которой черными буквами значилось: «Эфиръ въ скорняжномъ производствѣ».

Редакторъ встрѣтилъ Николая Леопардовича благосклоннымъ взглядомъ, а сотрудники завистливымъ шипѣньемъ.

Не обращая вниманія ни на то, ни на другое, Николай Леопардовичъ присѣлъ къ столу и черезъ часъ уже понесъ къ редактору свою новую статью:

Въ ней было все! Науки торжество...
Эфиръ... смола... хомутъ и коромысло!
Здѣсь если не было чего,
То только разума и смысла!

На утро статья появилась въ газетѣ, но, конечно, никакого впечатлѣнія не произвела. Редакторъ даже вниманія не обратилъ. Онъ ждалъ чего-то иного и со второй почтой дождался. Это было опроверженіе профессора.

«М. г., — писалъ онъ, — можно ли такъ зло и подло глумиться надъ почтеннымъ человѣкомъ, какъ это сдѣлалъ вашъ сотрудникъ.

Редакторъ зло улыбнулся.

«А между тѣмъ, — продолжалъ профессоръ, — вопросъ касается важнаго предмета!

— Ага! — радостно подумалъ редакторъ.

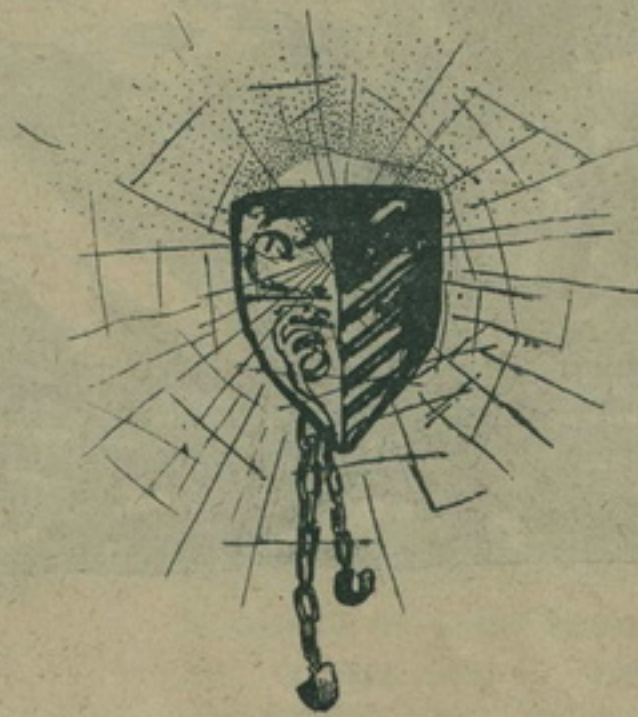
«Вопросомъ о сгущенныхъ эфирахъ занимались еще древніе египтяне...

Тутъ ужъ сказался ученый и профессоръ и, самъ того не замѣчая, накаталъ блестящій рефератъ въ 240 строкъ.

Николай Серполетовичъ вычеркнулъ первыя ругательныя строки, озаглавилъ статью «Мнѣніе заслуженнаго профессора о сгущенныхъ эфирахъ» и пустилъ ее въ печать плотнымъ корпусомъ.

На утро весь Петербургъ читалъ газету и статью профессора, а къ вечеру было получено извѣстіе о скоростижной смерти его. Около покойника ни яда, ни револьвера, ни петли не нашли... Въ рукахъ его была только злополучная газета.

Апулей.

Весна.

(Какъ-будто изъ Гейне).

За тепломъ онъ въ даль ушелъ,
Отморозивъ носъ пришелъ,
И надежды и штаны
Потерялъ, ища весны.
Сталь угрюмъ суровый ликъ,
Носомъ долу онъ поникъ,
Но на вспухнувшей спинѣ
Вѣсть принесъ онъ о веснѣ.
Бѣдный другъ, уйми печаль,
Потерпи, яснѣетъ даль,
Близко красная весна,
Заживетъ твоя спина.
А тогда могучъ, ретивъ,
Супостата прослѣдивъ
И согнувъ ему спину,
Самъ пропишешь ты весну.

Изъ Слово.

Новости подъ рукой.

- Папа! Чѣмъ можетъ кончиться всеобщая забастовка.
- Конечно, окончательнымъ разореніемъ.
- Торговцевъ?
- Нѣтъ... забастовщиковъ!

* *

На Знаменской площади.

- Городовой! Научи, какъ бы мнѣ отсюда въ окружной судъ попасть!
- Ну, баринъ? Объ этомъ вы ужъ лучше у судебного елѣдователя спросите!

* *

Около хулигановъ.

- Петька, а чтобы ты сталъ дѣлать, если-бы тебя министромъ финансовъ назначили?
- Извѣстно что! Фальшивыя монеты началъ бы дѣлать.

* *

- Какая разница между конституціей и салынымъ пятномъ?
- Конституцію вводятъ, а пятно выводятъ.

* *

На окраинѣ.

- Обыватель. Городовой! Караулъ! Грабятъ!
- Городовой. Ну, чего орешь то! Не глухой! слышу! Вотъ подожди, только цигарку докурю.

Интервью съ Тѣнью Ли-Хунъ-Чанга *).

Какъ я и ожидалъ, въ виду продолжающейся и.-т. забастовки, переводъ отъ редакціи не получилъ.

Положеніе бамбуковое!

Продолжаю.

Тѣнь мудрого Ли была страшно разстроена.

— Ваше превосходительство, я собственно говоря, хотѣлъ услышать ваше мудрое мнѣніе о неурядицахъ, которыя вѣдутъ мое отечество къ разложенію.

— «Къ разложенію? Нѣтъ, вы еще молодая нація, я убѣжденъ, что это вамъ еще не угрожаетъ. Начнемъ съ вашего духовенства. По моему, они слишкомъ хорошо кормятся, жирны ваши архіереи, дьякона, монахи прочіе... Не вижу я пользы, когда упитанные служители церкви проповѣдуютъ о постѣ и воздержаніи, лѣнны становятся, занимаются пустыми требами, за каждый вздохъ свой ожидаютъ подачки, а у насъ этого нѣтъ. Наши служители—аскеты.

— Вотъ и теперь, вновь назначенный Оберъ-Прокуроръ Сунда,—жиренъ, молчитъ и въ дѣлахъ Церкви ни аза не смыслить.

— По моему, Побѣдоносцевъ куда былъ пригоднѣе: и наружностью и фамиліей, въ глазахъ неумолимо, какъ у Конфуція... Да, если бы онъ не совался въ законодателя, онъ всегда былъ бы прекраснымъ вершителемъ судебъ архіерейскихъ.

— Но человѣчество создано такъ: отличные юристы пре-скверно играютъ на сценѣ, добродѣтельные отцы-семействъ идутъ въ полицейскіе, прекрасные тенора—никуда негодные офицеры, акробаты идутъ въ адвокаты, содержательницы меблированныхъ комнатъ норовятъ въ сестры милосердія, бѣлые флаги считаютъ себя патріотами, копѣчные писаки—въ руководители союзовъ...

— Вы это не видите, а мнѣ, съ горы, все видно, какъ на ладонѣ...

— Я молча соглашался.

— «Чтобы кончить съ духовенствомъ,—продолжалъ Ли,—я васъ спрошу: гдѣ отцы вашей Церкви? Почему они бросили свое стадо въ критическую минуту? Неужели, на всю Россію и нашелся только одинъ Гапонъ, который съумѣлъ повести народъ? Почему они ни съ народомъ? Вотъ стадо и разбредлось, грабить и жечь все на своемъ пути. Вотъ пресловутый отецъ Кронштадтскій въ дни разгрома собѣжалъ изъ города. У насъ здѣсь ходятъ слухи, что и онъ впутался въ какую то скверную исторію съ женщинами, что онъ развратилъ дешевой благотворительностью бездѣльниковъ и мародеровъ... Мыслимо ли что нибудь подобное у насъ?

Наше духовенство кормится скудно, ровно на столько, чтобы не отправиться раньше времени къ предкамъ, требъ никакихъ не справляютъ, подачекъ не ждутъ, капиталовъ въ процентныхъ бумагахъ не держатъ, монастырскія земли и уголья въ аренду не сдаютъ, бенедиктины и шартрезы не

производить, погреба не содержать, въ каретахъ ни ѣздить, чудесами и исцѣленіями не практикуютъ, имъ нечего нести на алтарь отечества»...

«Мы здѣсь, среди священныхъ дубовъ, знаемъ какіе миліарды собраны вашими пастырями, гдѣ и какъ они припрятаны.

— А во что оцѣнить ихъ земельную собственность? На второмъ планѣ я ставлю порядокъ. Я давно еще замѣтилъ, что порядокъ у васъ только на улицахъ, и то до водворенія Тренова, съ его легкой руки у васъ нельзя теперь ходить по улицамъ: хулиганы устраиваютъ харакири, либо флаги раздавать,—эти новоиспеченные ваши патріоты сбиваютъ шапки съ проходящихъ, у васъ это называется «манifestація», вы жаждете свободы, а развѣ такихъ мыслимо пускать «на свободу»?

— У насъ одно дерзкое прикосновеніе къ чужой кость считается оскорбленіемъ, а у васъ прямо тузятъ по затылкамъ!

— Далѣе, если кто уцѣлѣлъ отъ этихъ мерзавцевъ, тотъ ежедневно рискуетъ быть подстрѣленнымъ на улицѣ изъ солдатскаго ружья, изъ Браунинга, изъ пулемета, рискуетъ быть запоротымъ нагайками, или быть нанизаннымъ на пику... Это называется «правовой порядокъ»! Вотъ амнистія ваша, это дѣло хорошее, строго говоря, нельзя же вѣчно держать человѣка взаперти за то только, что его убѣжденія не сходятся съ взглядами Охраннаго Отдѣленія.

— Въ Китаѣ къ сожалѣнію амнистировать некого, всѣмъ попавшимся въ пропагандѣ, рубятъ начисто головы, оттого мы и равнодушны такъ къ жизни.

— Вотъ, на счетъ грабежа, мои китайцы тоже мастера, монгольская и кавказская націи могутъ протянуть другъ другу руки: у насъ грабятъ всѣ: чиновники, строители, интенданты, полиція, доктора, инженеры, рабочіе, черные флаги, большіе тулаки, вице-короли, Дзиль-Дзюни, Даотай, хунгусы, только земледѣльцы не поддаются этому спорту, хотя и живутъ въ какой тѣсотѣ, что уму не постижимо.

— Да-съ, порядка у насъ гораздо больше.

— Осмѣлюсь спросить, ваше превосходительство, каково ваше мнѣніе о нашихъ финансахъ? Спросилъ я.

— Что-жъ, финансы вещь наживная и всегда поправимая.

Пусть народъ опомнится, возьмите себя въ руки, и ваши финансы быстро поправятся. На однихъ экономіяхъ штатовъ миліарды останутся.

— Я не поручусь, что среди вашихъ администраторовъ не найдется множества лицъ, которымъ не грезилось бы, во снѣ и на яву, сдѣлаться Гамбеттой.

— Статуя его на дворѣ, сожженного Тюильера, такъ вызывающе хороша!

— Вы единственная страна, гдѣ еще не было настоящаго пролетаріата, вы его создали, выбросивъ голодную массу людей за бортъ...

— Дѣти Восходящаго Солнца, теперь чутко прислушиваются къ вашему печальному положенію, они лихорадочно изучаютъ все, что именуется у васъ «русскимъ», и вѣрते

*) См. номеръ 1-й.

мнѣ, вы не успѣете еще опомниться отъ внутреннихъ волнений, какъ они снова будутъ на материкѣ и на этотъ разъ, начавъ съ Владивостока, отрѣжутъ себѣ такой «коровай», который имъ только заблагоразсудится.

— Войско ваше деморализовано, вооруженіе растеряно, крѣпости никуда не годятся, флота нѣтъ, финансы—вродѣ китайскихъ, или турецкихъ...

— Медлительность вашего режима, какъ языки ужаснаго пожара, захватываетъ все...

— Я очень сожалею, что такъ рано умеръ.

— Я первый повелъ бы «Желтую рассу» въ Европу и тогда вы поняли бы, что такое «желтая опасность».

— Вы прозрѣли бы на могилахъ своихъ отцовъ, женъ и дѣтей....

— Прощайте, мнѣ пора!

— Не забывайте, что слова стараго Ли всегда сбываются.

— «Фонарь» мой погасъ. И я, какъ жалкій чиновникъ послѣ начальственной головомойки, побрелъ, между плетъ богдыхановъ и мандариновъ, на берегъ гдѣ меня дожидала лодка...

П. Ч.

Бюрократическій рецептъ.

Сто сотенъ храбрыхъ казаковъ,
Жандармовъ сотню эскадроновъ,
Число несмѣтное патроновъ,
Да корпусъ сабель и штыковъ,
Прибавьте сотню пулеметовъ,
Смѣшайте это все сполна
И тотчасъ миръ и тишина
Сердца охватитъ Санкюлотовъ.

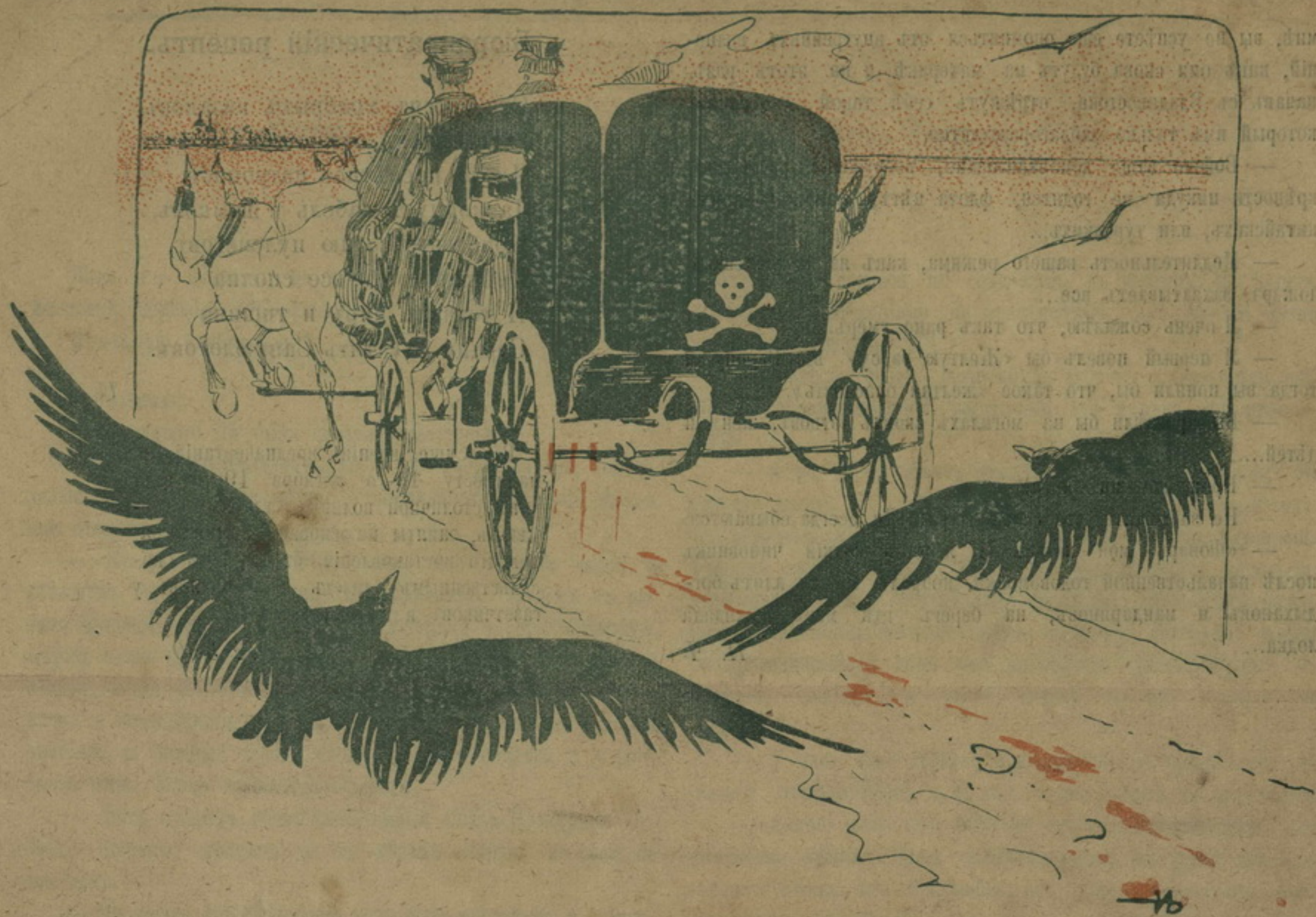
U

Въ осуществленіи предначертаній по манифесту 17-го октября 1905 года чины столичной полиціи, главнымъ образомъ, заняты на основаніи административнаго постановленія отобраніемъ (насилственнымъ) газетъ и журналовъ у газетчиковъ и въ кіоскахъ.

№ 380.

МОСКВА.

Городовой: Не гони! Довольно плети!
 Пожалѣй кобылью стать!
 Что въ больницѣ, что въ каретѣ—
 Все равно имъ умирать!

Каретка скорой помощи.

(Послѣ Митинга).

Найденное стихотвореніе.

Городовой стоитъ на стражѣ,
 Держась за ятаганъ,
 И всласть любитъся на кражи
 И дерзость хулиганъ.

Городовой стоитъ на стражѣ
 И славить, какъ баянъ
 Разбой, грабительство и кражи
 И дерзость хулиганъ.

Бѣдный Юрикъ.

Редакторъ *Н. В. Заукижъ.*

Издательница *Л. А. Заукижа.*

Редакція: Дектерный пер., 22, кв. 43.

Паровая Скоропечатня Г. П. Пожарова. Спб. Загородный, 8.